

ПУБЛИКАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

Н.Ж. Ветшева

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАЛЛАДЫ В.А. ЖУКОВСКОГО «ВАДИМ»: ПУБЛИКАЦИЯ ПЛАНОВ И КОММЕНТАРИЙ

Томский государственный университет

«Двенадцать спящих дев», «старинная повесть в двух балладах» (Баллада первая. «Громобой», 1810; Баллада вторая. «Вадим», 1810–1817), занимает особое место в творчестве Жуковского, что объясняется целым рядом причин. Она является вольным переложением романа Христиана Генриха Шписа [1], пользовавшегося успехом у читателей и переводчиков в России конца XVIII – начала XIX в. [2].

Сам процесс создания произведения (1810–1817), характеризующийся длительными перерывами и обилием подготовительных материалов (планы, конспекты), обогащает балладную диалогию автобиографическим и эстетическим контекстом и приводит к усложнению жанрового состава «старинной повести»: например, на разных этапах появляются эпитафии и посвящения [3].

Обращение Жуковского к романной основе объясняется близостью баллады и «готического романа» в эпоху предромантизма: тайна, лежащая в основе сюжета, конфликт человека с судьбой, экзотика и фантастика, опора на предание и др. [4, 5].

Современники, переводчики Шписа, критики едины в том, что содержательная структура романа подверглась у Жуковского глубокой трансформации: «Тут вся прелесть в описании невинных чувств любви» [6]. С.П. Шевырёв отмечает очищение «нравственной физиономии романа» [7, с. 152]. Сопоставление романа Шписа и «старинной повести» Жуковского предпринималось на уровне общих замечаний: роман основан на средневековых католических преданиях о грешниках, продающих душу дьяволу, и религиозном покаянии, связанном с возможностью спасения. Подробное текстологическое «сличение» баллады «Громобой» и первой части романа дает П. Загарин [8, с. 79–107]. К числу основных изменений он относит: перенос места действия из средневековой Германии в древнюю Русь; создание русифицированного «местного колорита» с условными образами и ассоциациями; введение реалий православной веры и обряда (Икона Спасителя; особенно чтимый в православной традиции Николай Чудотворец, или Нико-

лай Угодник). Для Жуковского принципиальной становится ориентация на создание «русской баллады», а вторая часть («Вадим») усиливает стремление к отходу от оригинала. У Шписа первая часть заканчивается условиями, выдвинутыми Сатаной (ставшим Асмодеем в балладе «Громобой»): «Избавитель должен родиться в стенах монастырских, и мать его заплачет и отшатнется, увидев плод чрева своего. Отец проклянет час своего рождения и побледнеет при известии о рождении сына». Вадим (Виллибальд – имя героя в оригинале) лишается свойственных подлиннику дидактизма и приземленности, рациональной заданности сюжета и характеров, подвергаясь сознательной романтизации, о чем свидетельствует последовательная работа над планами строф. В результате, по замечанию А.Н. Веселовского, «Ненужные повторения фантастических приключений удалены, план стал яснее, а вместе с тем впечатление чего-то таинственного, нездешнего усилилось» [9, с. 486]. Основу романа Шписа составляет жесткая структура повествования, связанная с идеей рационалистического фатализма, несовместимости свободы воли, выбора и судьбы. Герой не в силах избежать рока, хотя утверждает, что воля его свободна. Сюжет складывается из двух начал: многочисленных условий искупления и реализации этих условий (путь героя, осложненный интригами, любовными приключениями, сражениями). В редуцированном виде это воплотилось в балладе «Вадим» в эпизоде с киевской княжной (мотив искушения). Роман в целом демонстрирует, как мистическая предопределенность оказывается рационалистически мотивированной.

В балладе Жуковского трансформируется характер главного героя, в основе которого теперь лежит естественное, органическое нравственное начало, что реализуется в стремлении к бескорыстному подвигу. Чувственность заменяется эмоциональной открытостью, готовностью к чуду, основанному на вере в добро и красоту. Видимо, роман Шписа привлек Жуковского как раз крепкой сюжетной основой и возможностью символизации мотива пути, стремления к идеалу.

В еще большей степени, чем роман Шписа, на образный мир «Двенадцати спящих дев» повлиял неосуществленный замысел оставшейся на этапе планов поэмы «Владимир» (1805–1819), причем «старинная повесть» расценивается исследователями как частичная реализация замысла, так как в послании «К Воейкову» (1814) фрагмент поэтического пересказа «Владимира» включает в качестве героинь «двенадцать дев» [10, с. 654–661]. В 1817 г. появилась статья Д.Н. Блудова [11], в которой «Двенадцать спящих дев» связываются с мечтой арзамасцев о «народной эпопее» (национально-исторической поэме, адекватно отражающей подъем национального сознания). С появлением статьи соседствовало осознание поэмой природы «Двенадцати спящих дев», поэтому создание национальной эпопеи не утрачивало своего значения: «И если когда-нибудь в России появится новый Ариост, он сможет использовать и слишком короткий рассказ Нестора, и все народные легенды, которые связаны с именем Владимира [11, с. 326].

Своеобразным осуществлением арзамасских дискуссий о «русской поэме» (о возможности создания лиро-эпической поэмы на национально-историческом материале) стала поэма «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина и знаменитая надпись Жуковского на подаренном Пушкину портрете: «Победителю ученику от побежденного учителя». Рецепция Пушкиным поэмы-баллады Жуковского формируется из двух начал: создание стилизованного апологетического образа поэмы и ее творца (вторая строфа четвертой песни «Руслана и Людмилы»), сложившаяся в коллективном восприятии арзамасцев, в недрах шуточного дружеского послания. Пародия, следующая за этим, восходит к приемам арзамасского травестирования, причем «травестированные персонажи Жуковского оказываются действующими лицами самой эротической сцены пушкинской поэмы» [12, с. 207–238].

Замысел «Вадима» (первоначально «Искупление») относится еще к 1810 г., т.е. времени создания «Громобоя». Об этом свидетельствует перечень балладных сюжетов на нижнем переплете стихотворений Бюргера [13] из библиотеки поэта: «... Двенадцать спящих дев... <...> Искупление» [14]. Особое место в творческой истории баллады занимают планы. Это связано как с усилением сюжетной основы повествования (путь героя к цели), так и с отходом от немецкого оригинала и иными влияниями на замысел. Существуют три общих плана «Вадима» (1812, 1814, 1816), которые позволяют говорить о последовательной и сознательной романтизации сюжета: Жуковскому важно показать не столько путь героя к цели, сколько устремленность к идеалу.

План № 1, расположенный в обрамлении планов «Светланы» («Святки», «Гаданье») [15, № 78, л. 10 об.], предположительно относится к концу 1812 – началу 1813 г. и в основном намечает и конкретизирует сюжет, размечает цифрами последовательность эпизо-

дов. Жуковский уделяет больше внимания предыстории героя, формированию его характера. Важной становится разработка вводного эпизода с киевской княжной, которая в этом плане, как и в № 2, носит имя Ольги. Ольгой названа героиня в планах баллады «Светлана». Наиболее часто употребляются глагольные конструкции, отглагольные существительные: *отъезд...*; *избавление...*; *въезд...*; *уезжает...*; *едет...*; *выезжает*. Повторением слов «дале, даль» передается нарастание стремления от «весеннего чувства» к состоянию романтической напряженности, близкой к откровению: «он едет бесстрашно дале», «он едет дале», «светлее даль и стены».

В первых двух планах финал несколько отличается от окончательного: он не растворен в общем оживлении мироздания, а более конкретен, указывает на счастливую завершенность «земного» сюжета: «Вадим соединяется с возлюбленной и едет в дом родительский» (№ 1); «43. – Вадим возвратился на берег Волхова. 44. – Его встретили отец и мать. 45. – [Он] Вот оно сокровище неизвестное» (план № 2). Таким образом, запланированная кольцевая композиция соответствовала бы «вечному» сказочному «возвращению». Это совпало бы с закрытым финалом романа Шписа, в котором герой женится и у него рождаются 8 сыновей и 4 дочери.

План № 2 [15, № 78, л. 27 об.] связан с «долбинской осенью» 1814 г. и входит в хронологическую и жанрово-тематические подборки «Долбинских стихотворений» [10, с. 679–680]. На этом же листе содержится и начало стихотворного текста. Сообщая о написанных балладах в письме к А.И. Тургеневу от 8 ноября 1814 г., Жуковский упоминает «Вадима» как замысел («...да еще три в голове») [16, с. 129] и отмечает начало работы над стихотворным текстом (строфы 1–6.). В письме к тому же адресату от 1 декабря 1814 г. он конкретизирует процесс работы: «Чтобы был полный комплект, осталось написать еще одну, необходимую, продолжение 12 Спящих дев; она уже и начата. <...> Все это должно поспеть в декабре» [16, с. 131]. Таким образом, к 1814 г. относится план № 2 (до 9 ноября, так как на л. 27 об. – 28 расположены планы «Эоловой арфы», написанной 9–13 ноября 1814 г.). Под 17–23 ноября значится работа над «Вадимом» [17, л. 10 об. 11]. «Вадим», в отличие от «Громобоя», знаменует переход от баллад «в страшном роде» к балладам с любовно-психологической и философской тематикой. Характерно отношение к балладам как к определенному циклу («чтобы был полный комплект») и потребность в концептуальном завершении: название «Искупление» прямо выражало основной смысл второй части. План № 2 написан в столбец, разбит предположительно на строфы (45), не совпадающие с окончательным количеством (73). Больше, чем в романе Шписа, внимание уделяется проявлениям таинственного, мистическому ожиданию чуда. «Арфа» преобразуется в менее осязаемый «звук», «звон».

План № 3 [15, № 26, л. 24 об.] появляется в июне 1816 г. и представляет собой написанный сплошным текстом конспект с развернутыми конструкциями, диалогами, иногда создающими впечатление прозаического повествования. И, наконец, сразу же после этого, с 19 июня 1816 г. по 29 июня 1817 г., Жуковский работает параллельно над планами строф [15, № 26, л. 24 об.], с собственноручной датировкой на л. 26: «16 июня 1816», на л. 29 – планы строф с параллельной работой над черновым автографом. Наиболее полно и точно воспроизводят творческий процесс планы строф и автографы, черновые и беловые, с почти ежедневной датировкой, в «Книге Александры Воейковой» [18, л. 10 об. – 36] (строфы 15–75 по отличающейся от канонической (73) нумерации Жуковского с датами «1 сентября» <1816> на л. 10 [18] и «29 июня 1817» [18, л. 36]). Приводим эти планы, никогда ранее не публиковавшиеся. Зачеркнутые фрагменты текста публикуются в квадратных скобках, непрочитанные – в конъектурных; сохраняется авторская орфография и пунктуация.

План № 1. ОР РНБ Ф. 286 (В.А. Жуковский). Оп. 1. № 78. Л. 10 об.:

Вадим – его молодость – и характер – весеннее чувство – сон на берегу Волхова – отъезд – избавление Ольги – ночь с нею в лесу – голос арфы – въезд в Киев – старый князь предлагает руку Ольги и наследство – Вадим уезжает ночью – едет по берегу Днепра – въезжает в дремучий лес – перед ним бежит сверкая призрак – видение в лесу, он едет бесстрашно далее – могила и мертвец – он едет далее – светлее даль и стены – звуки арфы – видит деву – ворота отворяются – он всходит на стену, узнает свою возлюбленную – девы его окружают – <нрзб> видение души Громобоевой – явление старца одиннадцать дев заключили себя в обитель – Вадим соединяется с любимой и идет в дом родительский – чудеса дев монашеских.

План № 2. ОР РНБ. Ф. 286 (В.А. Жуковский). Оп. 1. № 78. Л. 27 об.:

Изображение Вадима –
1 – Его характер
2 – Весеннее чувство – облака – даль цветы – воды
3, 4 – Сон на берегу Волхова – старец
речь старца
его арфа
5 – чувство после сна
неизвестность и тоска
6, 7 – отъезд – свобода – благослов<ение> родителей
чувство посреди света
надежда
8 – вечер – крик
9 – Ольга в руках у похитителя
10 – избавление
11, 12 – Ольга рассказывает свою историю
Печенег
13 – засыпает

14 – ночь над нею
15 – арфа звук
16 – едут в Киев
17 – Князь встречает добром с почет<ом>
18, 19 – Готово все для свадьбы
20 – Сон
Едет
21 – видит Днепр
видит густой лес
изобр<ажение> дичи
22 – Ночь звездная
23 – въезжает в лес на звук арфы
Тишина леса и плескание Днепра
Приезжает в гущину леса
Бродит вокруг него что-то
24 – видит холм
25 – На нем остатки храма
26 – видит падающий крест мог <ильный>
сидящий на нем вран слетел и зас <? >
и [что-то] бледное пламя и унылый призр <ак>
Он едет далее
Видит стены
27 – и за их зубцами звуки арфы
28 – Смотрит
В эту минуту полная луна вышла из-за облака
Видит на стене смену
29 – На него смотрят
Он идет к воротам
30 – Утес отвалился
32 – Встречает дева прелестная – Его чувство –
приветствие – речи
33 – Они идут в дом
34 – Все тихо
Входят туда, где спят сестры
35 – как будто ангел поднялся от глав
Они открыли глаза
36 – И старец между ими явился
Пошли к могиле отца
Она покрыта свежим дерном
37 – На ней расцвела лилия
И сладкое благовоение окруж<ает>
Но вокруг все тихо
Тоскующая тень исчезла
39 – Как будто там
птицы, воды, ветерок
40 – Стены обители соорудились
Туда перешли девы
Туда стекаются богомольцы
41, 42 – Их жизнь
43 – Вадим возвратился на берег Волхова
44 – Его встретили отец и мать
45 – [Он] Вот оно сокровище неизвестное
видит сон чуд<есный>
муж одетый? лучами
подходит
говорит верь
следуи

=
[верь и надейся]
счастье твое в дали
иди к нему с чистою душою
Я с тобою
При этом слове [в дали] слышался нежный звук
как будто знакомой но никогда не слыши <? >
Вадим видит деву
Лице скрыто
Взор проник в его душу
Она манила его
И взором и рукою
Он хочет броситься
И старец и дева уже исчезли вдали?
исчезли
Потом слышался один только звонок
Вадим проснулся
И звон продолжался – и наконец утих?
но поутру тихо?
Куда ни пойдет
Взгляд – за ней
днем
и воспл <? >
И часто слышался звонок
Просит у отца благосл<овения>
И едет
Чувство наполняло
Путь. Он едет день едет другой
Уж близок Днепр.

План № 3. ОР РНБ. Ф. 286 (В.А. Жуковский). Оп. 1.
№ 26. Л. 24 об.:

С тех пор Вадим потерял покой – овладела им тоска – стремление – облака, птицы, на ночь – поутру колокольчик; ввечеру тоже.

Иногда в чаще леса голос; сон возобновляется; посреди весны задумчив; уединение; все сильнее голос –

Он идет к отцу и к матери; просит их благословения; я не могу остаться; счастье мое и ваше там; я приведу его: здесь воздух давит, солнце палит. – Вот он наступил – весь широкий свет перед ним – идет через леса – как будто кто-то его хранит. Зверь не подходил к тому месту, где он спал. Солнце садилось, когда он подошел к дремучему лесу – при входе в него оторопел; как будто кто-то пролетел мимо него и вдали за лесом слышался звонок. Сердце живее встрепенулось – он уже был в густоте леса. В эту минуту крик. Он видит скачет ездок и мчит красавицу – она бьется и зовет на помощь. Он бросается; останавливает коня. Витязь поднимает тяжелую палицу, но промах, он падает к ногам Вадима.

Он связывает его и оставляет в глуши, а сам подъезжает к красавице полумертвой. Она показывает рукой на коня, на дорогу. Они садятся. Красавица к нему прижимается. Едут.

Кто ты – я дочь [князя] великого князя – Ныне гуляла, меня похитил князь половецкий. Возврати меня князю.

Между тем они глубже в лес. Буря. Сквозь вихри и молнии [колок <нрзб> борясь]. Пещера. Гром ударил в дуб и зажег его. Вадим разложил огонь в пещере. Красавица дрожала от холоду.

Он жал ей руки; согревал дыханием руки и грудь – сел на мох, посадил на колена и прижал горячими руками; она молчала и нежно к нему прижималась; он чувствовал желание.

В эту минуту молния блеснула и в блеске ее пролетел мимо знакомый образ старца. В сердце [так знак] отдался звонок и долго и жалобно зазвучал; голос – Вадим позабыл красавицу – мысль его полетела вдаль – она тихо-тихо заснула –

Гром утих – Он не смел шевельнуться и не чувствовал ничего – между тем <нрзб> сквозь деревья просыпался свет; красавица взглянула. Увидела Вадима, и покраснела. Они поехали.

Скоро засветились в дали главы Киева. Слышались голоса, пение. [Наш] <нрзб> князь окруженный витязями. Тот получит, кто ее возвратит. Священники окропили их святой водою. Является [витязь] [речь к] Вадим. Речь князя. Я стар. Ты силен. Я бездетен. Ты будешь сын мой. Готовьтесь.

Витязь [остаётся]. Выходит ночью, смотрит с высокой горы на Днепр. Он темнеет <нрзб>, по Днепру плывет лодка; Весел при витязе нет. Он садится. Понесите меня. Прости Киев. Я не найду здесь счастья, оно там. Лодка поплыла – холмы. Рощи. Села. Лодка плывет. Звезды сияют. Вот по обеим сторонам лес. Берега круты. Лодка к крутому берегу и ни с места. Кустарник шумит. На высоте звон.

Он идет к отцу и матери просить благословения.

План № 4. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 26. Л. 29:

Вад[им] один на дороге: весь божий свет открыт... Куда ехать; на власть бо<га> Тот кто позвал тот и путь – И он едет день едет другой Проезжает города и села и пустыни Конь его как будто сам знает дор<огу> Ему прием гостеприимный. Спит ли в лесу как будто его хр<анит> Зверь не прикасается И змеи <нрзб> от того Уже месяц как он в дороге Он проехал многие славные города – нигде не забывал церкви Подаяния – Обители – Сон часто. – Однажды – вечер Он приближается к <нрзб> лесу вечер скрыл его Сквозь деревья. – через лес шла дор<ога> На востоке тучи

В «Книге Александры Воейковой» [18] последовательно зафиксирован процесс создания «Вадима»: на полях сбоку пишутся планы отдельных строф, а рядом создаются их поэтические аналоги. Почти все этапы работы датированы. Обращает на себя внимание детальная разработка вставного эпизода с киевской княжной (План № 14), объем этого эпизода; несомненно, в этом проявляется влияние замысла «Владимира» и занятия русской историей. Планы становятся лабораторией стиля не только с точки зрения сюжета, но и в создании пейзажа, диалогов, настро-

ения томления, тоски по идеалу, ожидания чуда. Планы строф дают образцы работы Жуковского над ритмом, поисков звукового образа, интонации.

Планы строф: ОР ПД. № 27807. («Книга Александры Воейковой»):

№ 1. Л. 10:

Вот Вадим на пути. Перед ним открыт весь свет. Куда ехать? Кто укажет дорогу? Он дает волю – конь и мысли. Тайный путеводитель близко. И конь как будто знает дорогу. Как будто хранит его кто-то. Он проезжает города и села; проезжает реки; – проходят дни за днями и вот уже месяц миновался; полная луна начинала светить.

№ 2. Л. 10 об.: «1–2 сентября»:

1. *[Казалось, путь его был] [Он едет день] Проходят дни, проходят недели, он едет благополучно – везде встречает его гостеприимство [Он проезжает славные русские города] – везде посещает храмы божии – и обители – везде ночлег, хлеб соль –*

2. *Когда ж заставала его ночь в чистом поле или в лесу; он ложился на мураве; звезды светили ему; древесные кровли его осеняли; бодрый конь не удалялся и как будто сторожил. Казалось, Хранитель. Уже было лето горячее, листья благоухали; зелень древесная. Он [вставал] пробуждался при первом крике птиц; умывал лицо свежей росой и далее Он уже достиг Днепра и конь все ехал берегом; Уже Днепр широкий и быстрый перед ним катился. Однажды – занимался вечер; вдали плыла луна перед бурными, сизыми облаками, в которых трепетала молния; он подъехал к лесу; который тихо трепетал без ветра; вдруг крик.*

№ 3. Л. 11: «1 сентября»:

Однажды – занимался вечер после жаркого дня. Тучи бежали с заката. Перед ними плыли багровые лучи и в недрах их трепетали молнии. Вадим приближался к бору, растущему по берегу. Он въезжает в лес. Тишина; только вдалеке гром. Листы трепетали, предвещая бурю. Он едет лесом, бледно освещенным последними лучами и светом луны. Он едет.

№ 4. Л. 11 об.: «3 сентября»:

Он едет – вдруг жалобный крик раздался. Вадим вслушивается. 1. Вблизи нежный голос; грубый ему отвечает Вадим рвется сквозь чащу. Вдруг въезжает на поляну, где <светлее>. На помощь светила луна. Он видит грозного великана, у которого бьется в руках <тре? > красавица. Стой крикнул он и бросился к 2. Тот засверкал на него глазами и вместо ответа грянул в него дубиной. Вадим вернулся; боец увлеченный тяжестью палицы растянулся на земле. 3. Юноша вырвал дубину из рук его связал его руки и ноги ремнем из узды коня, Подошел к красавице, которая лежала без дыхания. Поднял ее на коня и поехал с нею далее. 4. Мало-помалу она пришла в себя Увидела себя на руках спасителя и нежно-нежно к нему прижалась. Кто ты красавица, как ты зашла в лес?

№ 5. Л. 12 об. (Л. 12: «4–5 сентября»):

Силач заревел и грянулся обземь. [Вадим слез с коня и подошел к деве, которая ни живая и] Вадим оставил его издыхать. Поднял с земли красавицу полумертвую. 1. она очнулась [на седле], услышала стон пораженного; прижалась к своему спасителю и не говоря ни слова показала на лес умоляя взором, что бы он туда ехал – они поехали. Кто ты, красавица, как попала в руки этому хищнику? 2. Я дочь князя Киевского – Славный град Киев его отсюда недалеко! Северный князь литовский за меня сватался. Я не хотела любить его [Он пытался] его посол, свирепый великан, тобою убитый, меня похитил, когда я гуляла в зеленом лугу [Он однажды] Он умчал меня в этот дремучий лес и хотел со мною пробраться в Литву. 4. Бог послал тебя мне во спасение. Поедем к отцу моему; Днепр доведет нас до Киева. Завтра с солнечным восходом там будем. Но между тем тучи набежали и луна совсем закрылась. Дождик начинал шуметь по листьям.

№ 6. Л. 13 об.: «7 сентября»:

Близ града Киева таился. Никто не ведал умысел. Он ждал случая. И случай представился. Я гуляла с моими молодыми подругами по берегу Днепра. Мы собирали лесные? сладкие? ягоды. Я отдалась от прочих. Злодей вырвался из гущины и как хищный волк на меня кинулся. [Ужас] Я онемела от страха; Никто не видал нас; И он умчал меня в лес. Бог послал тебя мне на помощь.

№ 7. Л. 14: «9 сентября». (Сбоку рисунок пером: подсвечник с горящей свечой, ваза):

Если бы не послал бог на помощь Что было бы со мною Я бы увяла с тоски на чужбине между врагами А мой родитель потеряв милую дочь уныло жизнь [в] скорби кончил дни свои Теперь он плачет – поехали нему

№ 8. Л. 14 об. (Л. 14: «9–11 сентября». Л. 15: «13 сентября»):

Шумел по листьям дождь. Молния. Деревья как светлые великаны являлись и исчезали; Вдруг набежал вихорь, страшная гроза поднялась, Деревья трещали и падали И ливень бежал рекой. Конь шел через гущину и при каждом свете молнии храпел Кусты хлестали красавицу, Холод от дождя.

Рыцарь чувствовал, что она дрожит Где приют? Лес был густ И как найти дорогу? Вдруг они очутились На лесистом берегу Днепра; и рев его слышался при вихре Кругом черные стремнины и берега высокие как стены И на берегах кудрявые кусты, дубы и сосны. Молния проблеснула; ударила в дуб. Дуб загорелся; и при блеске пламени витязь увидел себя и вход в пещеру.

№ 9. Л. 15: «13 сентября»:

Вадим видит при зареве пещеру Он снимает деву с коня Они входят в приют Девица дрожала [Витязь жал ей руки Согривал дыханьем грудь которая] витязь сел на мох; Жал ей руки Согривал дыха-

нем грудь Которая трепетала под горячими устами Красавица нежно к нему прижималась Нежно смотрела на него и в глазах ее светилось пламя Блеск горящего дуба слабо освещал пещеру И весь падал на прекрасное лицо молодой девы Скоро погас – только луна сияла И она появлялась из мрака как дух пр<?> Что чувствовал тогда Вадим, когда она так тихо < нрзб> грудь на груди; пламенная щека на щеки слянное дыхание; ощутительное биение сердца; жар, переливающийся из нее в него... Что бы было с ним, но в эту минуту... знакомый звон раздался...

№ 10. Л. 16: «17–18 сентября»:

И тихо падал на нее свет пламени; Она была прекрасна; Голубые очи сияли Полу<открытые> влажным [она] Из полу растворенных уст вылетало пламенное дыхание и щеки рдели и грудь подымалась И часто невольный трепет пробегал и руки окружающие витязя сжимались.

№ 11. Л. 16: «17–18 сентября»:

И что чувствовал Вадим смотря на красавицу Которая во всей свежей младости разброшенные небрежно кудри Ланитное? рденье? полнилась? молодая горящая грудь Небрежно лежала в его объятиях И так тесно тесно к нему прижималась Чувствуя как трепетало его сердце как пламенное его дыхание жжет его грудь

№ 12. Л. 17: «20 сентября»:

И несколько минут продолжалось звучание И звучало в воздушном пространстве И что-то пролетело неизвестное милое С нежным стенанием мелькнул образ облеченный? покровом И слился с мраком И ветер опять за <?> И в шуме звенело и стеноло [Вадим] Вся душа полетела за приведением 2. Взор его не мог оторваться от его <того?> <нрзб> Между тем гроза начала утихать Гром укатился вдаль и <нрзб> Он не видит не чувств<вует> Дева тихо прилегла к его плечу Заснула и тихо-тихо дышала Он не видал и не чувств<вовал> Знакомый <нрзб>; свет посыпался чрез дерева; начал веять тихий ветерок Утренняя звезда утра догорала. Конь заржал; Вадим очнулся; смотрит на красавицу Она спит глубоким сном и во сне улыб<ается> Запели утренние птицы, красавица проснулась, взглянула на рыцаря; покраснела; она встала; рыцарь надел бронь; вышли из пещеры; утро пылало и тучи разлетались; перед ними был Днепр; вдали слышался звон колоколов; они поехали и скоро загорелись на берегу Киева золотые главы Киева.

№ 13. Л. 17 об.:

Начала заниматься заря Утренняя звезда закрылась Начал веять ветерок утренний Конь заржал Рыцарь [смотрит] озарилась. Смотрит... в пещере свет Красавица спит и улыбается во сне Он тихо тронул ее Она отворила глаза, взглянула на рыцаря и покраснела Рыцарь оделся в бронь вышли из пещеры все уже было светло [перед ними сквозь деревья

леть] На небесах свет и следы прош <едшей> бури Сквозь деревья мелькал Днепр Весь лес был полон благовония и птицы пели Они сели на коня и поехали по дороге, которая вилась между кустами – Скоро заблистали главы Киева Они въезжают в город

На площади перед княжеским домом толпятся воины в их середине дряхлый князь он уговаривает их скакать за княжной [уже они] Но толпа раздвинулась Княжна в объятиях родителя

№ 14. Л. 18:

[Зовет] он вызывает смелых возвратить ему дочь Наказать хищника И обещает спасителю руку доч<ери> Но зашумела раздвинулась толпа Княжна у ног родителя

№ 15. Л. 19:

1. Речь князя. 2. Веселость народа. 3. Ночь. Огни потешные зажгли. Песни. Народ веселость. Дружина.

Прижавши к груди Вадима сказал князь Я сдержу слово! Бог не дал мне сына! Но он послал тебя Мужество тебя <нрзб> Ты будешь утеха моей старости Ты будешь славою моих рат. Щитом от врагов. Утехою города Сказал и дружина воспе<нрзб> Веселье разлилось по улицам В храмах благодарственные молитвы Народ угощается на площ<ади> [Игры] и кружка с кипящим медом заздравная ввечеру зажглись потешные огни Но что Вадим... Радость далека была от души его! Он не понимал своего чувства И ходил как чужой Вечер... Ночь... Он вышел на берег Днепра... и воспоминание о прошедших днях... Он смотрит на тихий Днепр

№ 16. Л. 28 (Л. 27 об.: «21 ноября»):

Не слышал что бы проб <нрзб> как будто забыт. <нрзб> Как будто никогда ни человек, ни зверь не пр. <?> Густая трава; груди опавших листьев мох...

№ 17. Л. 29 (на л. 30 об. рисунок Жуковского: внизу замок с зубчатыми стенами, две фигуры «древнерусского витязя», вверху – на горе – изображение трехглавого православного храма с луковичными куполами и крестами на них):

Таинственное уныние на уединенном холме Между кустами чернеют развалины Вадим взбирается – Видит покинутую церковь железная дверь затворена [Луна из облака] Кругом развалины обители Кельи – Переходы – в них полынь и крапива Деревья растут на миистых и И [Луна] долгая тень их ле<жит?> Пускает объехать Вадим видит могилу Поверженный крест и на нем черный ворон Ворон глядит на него непод<вижно?> Вдруг встрепенулся, взлетел Тишина смутилась И вдруг нечто необъяснимое? Сверкнуло огнем в очах его [как будто] Тихий печальный некто идет от могилы Неподвижные глаза на него смотрят Пошел к закрытой двери Дверь не отперлась Как будто тяжелый вздох на<летел> [Он У] Пошел далее и скалы с пути Вадим перекрестя за ним.

№ 18. Л. 31:

[В счастливый час] Я предсказатель! Радость за горем пришла! Небо что отнято им; [Сын твой тебе возвращен] Будь же приемный отец заменой Двух [теперь] ты будешь сын твой [младший] старец твой старший на небе [твой родитель небесный один] [Будет с тобой и с небес брата он будет хранитель] Будешь как ангел с небес милого брата хранитель

№ 19. Л. 35:

Их звал как будто голос [Около них веяло живое] Сердце их стремилось к милому месту... К могиле [на ней] Она покрыта была свежим дерном Чистая лилия на ней расцвела [вокруг было ясно] Казалось, ангел тишины сидел на ней [с тихую ясною мыслию о небе] и видел [воспоминание и смотрел на тихое ясное небо... Они пали к ней... Из нее не было ответа Но тайный голос им говорил Там спасение И все кругом говорило – Деревя расцвели] расцветшие оживленные воды пенные птиц запах цветов И над ними простертое небо... [Где следы сего] И храм и стены все исчезло Но есть <нрзб> Там – по утрам в часы когда ангел денницы встает Совершенные явления Там часто труженик Застынувший ночью Внимает голосам и в нем возникают мысли

№ 20. Л. 35 об. (Л. 36: «29 июня 1817»):

И храм и стены исчезли Есть на Днепре место Предание Там – по утрам, когда ангел денницы Совершается Там часто труженик внимает голосам и мысли.

Время создания «Вадима» связано с изменившимся биографическим контекстом. Баллада пишется в Дерпте и Петербурге, о чем Жуковский достаточно подробно информирует друзей. «Вадим» воспринимается литературными единомышленниками отчасти как реализация арзамасских надежд на создание национально-исторической поэмы, поэтому чтению баллады в «Арзамасе» уделяется пристальное внимание. В письме к А.И. Тургеневу от 21 октября 1816 г. из Дерпта Жуковский сообщает: «Я пишу усердно *Искупление*; написано более половины. Пьеса будет так же велика, как и 12 спящих дев, и кажется хорошо» [16, с. 164]. Пока сохраняются прежние названия: «Двенадцать спящих дев» – «Искупление». Действительно, в «Книге Александры Воейковой» к 20 сентября написано 37 строф (по нумерации Жуковского); далее следует перерыв в работе до 10 ноября, а между черновиками «Вадима» появляется черновая редакция «сказки» Гебеля «Красный карбункул» (в рукописи: «Сказка о красном карбункуле») [18, л. 19 об.–24 об.], что объясняет желание Жуковского дать аналогичное жанровое определение завершенному целому. 31 октября 1816 г. он сообщает из Дерпта: «Продолжение 12 спящих дев» «весь-

ма уже близко к концу и... должно быть напечатано с первой балладою особо, в виде сказки» [16, с. 16]. В представлении Жуковского, несмотря на изменившиеся реалии личной жизни, дерптский период сближается с «долбинской осенью» 1814 г. по уровню творческого подъема. В письме к А.П. Елагиной от 7 ноября 1816 г. из Дерпта он сообщает: «Я опять пишу и пишу так же, как в Долбине. “Певец” кончен. “Искупление” оканчивается. Друзья, ждите меня. Все, что на милой родине, здравствуй: “Там небеса и воды ясны”» [19, с. 541–542].

В конце 1816 г. Жуковский приезжает из Дерпта в Петербург, где читает готовые к этому времени фрагменты на 16-м ординарном заседании «Арзамаса», о чем сохранилась протокольная пародийно-морализаторская запись: «Повесть о том, как некоторый Вадим влюбился во сне и женился наяву с помощью серебряного звонка, легкого челнока и седого старика. Всем неженатым членам, по выслушании этой повести, смертно захотелось жениться» (Протокол заседания 24 декабря 1816 г. [20, с. 380]). Далее следует перерыв в работе и отсутствие датировок в «Книге Александры Воейковой».

В январе 1817 г. «Вадим» еще не завершен. «Надобно сперва кончить “Вадима”» [16, с. 172]. Во второй половине января 1817 г., но название уже каноническое; а в июле 1817 г. на 22-м арзамасском заседании звучит готовый текст: «В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку, // В том Арзамасе читали законы, читали “Вадима”» (Протокол заседания. Начало июля 1817 г. [20, с. 427]). В это же время выходит отдельное издание «Двенадцати спящих дев» (цензурное разрешение 4 июля 1817 г.), и друзья живо интересуются этим фактом. 6 августа П.А. Вяземский спрашивает Александра И. Тургенева: «Прости и цветы, мой несравненный цвет, Асмодеюшка! Получил ли ты Вадима Васильевича? Жучка продала его за 3300 рублей» [21, с. 80]. В первой половине августа 1817 г. Вяземский сообщает Тургеневу: «“Вадима” я еще не видал, а видел вчера упившегося Громобоя (прозвище С.П. Жихарева в «Арзамасе». – Н.В.) – который хлебнул в Москве да и уехал» [21, с. 81]. 27 августа Вяземский вновь спрашивает об окончании баллады: «Проживу еще здесь (в Красном Селе. – Н.В.) дня четыре на подножном корме и возвращусь в Остафьево, где надеюсь найти “Вадима” и хорошие вести от вас» [21, с. 8].

В «Книге Александры Воейковой» [18], где воспроизводится весь творческий процесс создания «Вадима» (планы строф, черновые и беловые автографы), сохранились несколько строф, не вошедших в окончательный текст. Они находятся между строфами 64 («Стремится на ограду он...») и 65 («Глядят на небо, слезы льют...»). Рядом вклеен листок с акварельным рисунком бутона шиповника [18, л. 32].

<p>Л. 32 (беловой): <i>И вместе к замку от стены С смиренною мольбою Они идут... растворены Невидимой рукою, Им двери сами дали вход! Вошли: пред их очами Чертог; закрыты окна, свод Украшен образами, И одр пустой в углу стоит; И свет лия унылой Перед иконою горит Над ним паникадило.</i></p>	<p>Л. 32 (беловой): <i>И девы, непробудным сном Объятые лежали Перед оставленным одром: Едва приподымали Их груди трепетным своим Дыханьем покрывало. Склоняет взор на них Вадим И ярко запылало В лампаде пламя: сам отпал От окон завес темный И свет денницы пробежал По храмину огромной.</i></p>
<p>Л. 32 (зачеркнуто): <i>И некто от возглавья дев Воздушный, бестелесны Вспорхнул и тихо пролетев, С пустынею небесной, Как утро с далью голубой, Невидимый слился. И вдруг как будто неземной Над ними глас раздался, В ланиты ясность пролилась, Уста воспламенились В сомкнутых взорах жизнь зажглась, Взглянули, пробудились.</i></p>	<p>Л. 34 (беловой): <i>И близ одра рука с рукой С сестрою пробужденной Явился в прелести молодой Спаситель обреченный. О жизни сладостный возврат! О сладость пробужденья! Как очарованны стоят В восторге воскресенья Горе подняли очеса Блестаючи для <нрзб > Там были полны небеса Им отданные снова.</i></p>
<p>На л. 33–34 – черновые варианты этой строфы</p>	
<p>Л. 34 (беловой): <i>Простерла вдаль несмелый взор Что было в прежни годы То и теперь: знакомый бор За ним днепровски воды, Над бором холм, на холме храм, Кругом крестов сиянье И светлый пар как фимиам В торжественном молчанье Со всех дымящийся сторон Им мнилось, мир рождался Созвучно благовестный звон В тиши небес раздался.</i></p>	<p>Л. 35 (беловой. Вариант строфы 68): <i>И что-то к ним сквозь тишину Приветное вzywало, Как бы в неведому страну Их сердце увлекало. Куда же? О священный вид! Могила перед ними. И тихо дерн покрыт (sic! – Н.В.) Лилеями младыми! И мнилось, ангел невидим Сидел между цветами, Носясь по небесам родным Веселыми очами.</i></p>
<p>Л. 35 (беловой. Вариант строфы 69): <i>Простерлись ниц... и сердце их Могилу вопрошало Но пепел в ней остался тих Ничто не отвечало! <u>И было все для них ответ*:</u> <u>И холм помолоделый</u> <u>И луга обновленный цвет</u> <u>И блеск реки веселый.</u></i></p>	

* Подчеркнутые стихи вошли в окончательный текст.

Литература

1. Spiev Chr.-H. Die zwölf schlafenden Jungfrauen. Geister-Ritter Roman. Bd. 1–3. Leipzig, 1795–1796.
2. Таинства древних египтян. Ч. 1–3. М., 1802–1803; Горные духи, или Анета и Фредерик. М., 1803; Федюша, или Маленький савоец в Оверньских горах. Ч. 1–2. М., 1805; Рудольф фон Вестенбург. М., 1806; Селт, Елена и Монроз, или

- Воздушные приключения. М., 1806; Старик везде и нигде. М., 1808; Граф С...т, или Странные приключения новомодной красавицы в замке Шотландских гор. М., 1810; Трагический отрывок из повестей господина Спиз, или Антонио и Жианетта / Пер. Егор Акимов. М., 1812; Сумасшедшие, или Гонимые судьбою. М., 1816; Приключения рыцаря Бенно фон Эльзенбург в 1225 году, не волшебная, но удивительная повесть. М., 1812; Рыцарь Льва. М., 1819; Двенадцать спящих дев. Орел, 1819; Двенадцать спящих дев. Фантастическая повесть: В 6 ч. М., 1876.
3. Ветшева Н.Ж. Жанровое своеобразие поэмы В.А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» (к проблеме генезиса русской романтической поэмы) // Проблемы метода и жанра. Вып. 17. Томск, 1991.
 4. Козмин Н.К. О переводной и оригинальной литературе конца XVIII и начала XIX века в связи с поэзией В.А. Жуковского. Спб., 1904.
 5. Вацура В.Э. Готический роман в России. М., 2002.
 6. Плетнёв П.А. Сочинения и переписка: В 3 т. Т. 2. Спб., 1885.
 7. Москвитянин. 1853. Т. 1.
 8. Загарин П. (Поливанов Л.И.). В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
 9. Веселовский А.Н. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Спб., 1904.
 10. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. М., 1999.
 11. Le Conservateur impartial. 1817. № 63.
 12. Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. Л., 1989.
 13. Gedichte von Gottfried August Bürger. Th. 1–2. Güttingen, 1789.
 14. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. № 748. Томск, 1981.
 15. ОР РНБ. Ф. 286 (В.А. Жуковский). Оп. 1.
 16. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
 17. ОР РГАЛИ. Ф. 198 (В.А. Жуковский). Оп. 3. № 8.
 18. ОР ПД. № 27807. («Книга Александры Воейковой»).
 19. Русская старина. 1883. № 9.
 20. «Арзамас»: Сб.: В 2 кн. Кн. 1. М., 1994.
 21. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. Спб., 1899.

И.А. Айзикова

«ЗАПИСКА О Н.И. ТУРГЕНЕВЕ» В.А. ЖУКОВСКОГО (СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ДЕКАБРИСТА КАК ОСОБОЙ МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ)

Томский государственный университет

О проблеме «В.А. Жуковский и декабристы» в разных ее аспектах писали многие ученые [1, с. 45–119; 2, с. 21–26; 3, с. 17–29; 4, с. 43–46, 124–128; 5, с. 170–183; 6, с. 466–521; 7, с. 423–433; 8, с. 159–192; 9, с. 117–133]. Р.В. Иезуитова, например, указывает на то, что именно «непосредственное, личное общение с деятелями формирующегося декабристского движения» стало для романтика В.А. Жуковского «началом» интереса к общественно-политическим проблемам [10, с. 159]. Судьбы некоторых из декабристов стали, по точному выражению А.С. Янушкевича, «частью жизни В.А. Жуковского» [11, с. 171]. Среди них в первую очередь нужно назвать Н.И. Тургенева [5–7; 12, с. 149–154; 13, с. 207–227], «Записке» о котором и посвящена предлагаемая статья.

В силу специфической природы текста, о чем будет сказано ниже, «Записка о Н.И. Тургеневе» В.А. Жуковского позволяет поставить ряд вопросов, связанных с актуальнейшей в современном литературоведении проблемой трансформации и функционирования культурных моделей в отечественной словесности. Это, например, вопрос о становлении модели «политической прозы» в классической русской литературе. Данный термин был введен еще Пушкиным в

письме к Вяземскому от 16 марта 1830 г. для обозначения целого пласта прозаических сочинений, отразивших введение в художественную литературу материала и проблематики, которые до тех пор считались совершенно ей чуждыми, несвойственными. Общественно-политические идеи, целенаправленно включаемые в прозаические произведения первой трети XIX в., естественно требовали перестройки большинства эстетических принципов прозы и форм ее поэтики. Все это наглядно демонстрирует рассматриваемое сочинение В.А. Жуковского.

«Записка» являет собой реализацию модели взаимоотношений поэта и власти, многое определявшей в русской культуре и литературе. Причем она принципиально перекликается в этом плане с пушкинской моделью, обозначенной в его «Записке о народном воспитании», которая стала еще одним из немногочисленных откликов на восстание декабристов, так сказать, по горячим следам. Как указывает Л.Н. Киселёва, «Записка о народном воспитании» Пушкина содержит «анализ общественных настроений в России 1810–20-х гг. и своего рода очерк предистории декабризма и включает упоминание единственного имени декабриста – Николая Тургенева» [14, с. 174]. Имя Н.И. Тургенева было внесено А.С. Пушкиным